



Михаил Роттер

ДРАГОЦЕННОСТИ ВОСЬМИ КУСКОВ ПАРЧИ



Восток: здоровье, воинское искусство, Путь



Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Михаил Роттер

**Драгоценности
Восьми кусков парчи**

«ИД Ганга»

2015

УДК 75.715
ББК 615.8

Роттер М.

Драгоценности Восьми кусков парчи / М. Роттер — «ИД Ганга»,
2015 — (Восток: здоровье, воинское искусство, Путь)

ISBN 978-5-9907427-7-2

Эта сказка – попытка описать нелегкий путь обретения мастерства, история о человеке, идущем своим собственным путем, происходящая на фоне изучения им Ци-Гун Восьми кусков парчи. Эта работа не методическое пособие (хотя кое-какие секреты в ней открываются), ибо этот Ци-Гун подробно описан в книге Михаила Роттера «Ци-Гун Кентавра, или Толкающие руки, обернутые в Восемь кусков парчи». Книга «Драгоценности Восьми кусков парчи» может рассматриваться, с одной стороны, как «сказочное» послесловие к «Ци-Гун Кентавра», а с другой – как предисловие к «Взрослым сказкам о Гун-Фу». Читать эту книгу можно, разумеется, и отдельно, но вместе с «Ци-Гун Кентавра» и «Взрослыми сказками о Гун-Фу» будет наверняка интереснее и полезнее.

УДК 75.715
ББК 615.8

ISBN 978-5-9907427-7-2

© Роттер М., 2015
© ИД Ганга, 2015

Содержание

Предисловие	7
Первый кусок парчи	8
Второй кусок парчи	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Роттер

Драгоценности Восьми кусков парчи

© Михаил Роттер, текст 2015

© ООО ИД «Ганга», 2016, 2017

* * *



Предисловие

«Такие качества, как самоконтроль, правильное поведение, любовь, сострадание, терпение и умственное равновесие, делают жизнь интенсивной и полной значимости. Жизнь без этих основополагающих качеств подобна пустыне, где непрерывно бушуют вихри напряженности и волнения».

«Зеркало блаженства. Жизнь и наставления Бабы Бхуман Шаха и Шри Чандры Свами Удасина»¹

По большому счету название этой книги не полностью отвечает ее содержанию. Так получилось, потому что полное название было бы слишком длинным, что-то вроде «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим».

Такой способ написания, несомненно, очень удобен и честен, потому что позволяет читателю, еще не открыв книгу (а может, ее и вовсе открывать не нужно), знать, что ему «подсовывает» автор. Но времена сейчас другие и ни у кого не хватит терпения прочитать такое длинное название до конца, поэтому пришлось его урезать до «читабельного» состояния. А «подлинное» название звучало бы примерно так: «История о человеке, идущем по Пути своим собственным путем, происходящая на фоне изучения им прекрасного и широко известного оздоровительного (как выясняется в процессе чтения, не только оздоровительного) Ци-Гун Восьми кусков парчи».

Эта работа ни в коей мере не является методическим пособием по изучению комплекса Восемь кусков парчи. В этом не было необходимости, ибо этот Ци-Гун весьма подробно описан в книге Михаила Роттера «Ци-Гун Кентавра, или Толкающие руки, обернутые в восемь кусков парчи», выпущенной ранее издательским домом «Ганга». Скорее, «Драгоценности Восьми кусков парчи» – это сказка, которая может рассматриваться, с одной стороны, как «сказочное» послесловие к «Ци-Гун Кентавра», а с другой – как предисловие к «Взрослым сказкам о Гун-Фу», также выпущенным в свет издательством «Ганга».

Как бы читатель ни рассматривал эту работу, – как отдельную книгу, предисловие или послесловие к другим книгам, – автор надеется, что ее прочтение в любом случае принесет читателю удовольствие, а если очень повезет, то и пользу по принципу: «Сказка ложь, да в ней намек...»

Учитывая, что это на самом деле чистой воды сказка (хотя и не без намека), представляется уместным напомнить, что в любой сказке все действующие лица сказочные, так что все персонажи здесь вымышленные и никакого отношения к действительности не имеют.

«Смирение, спокойная, любезная речь, честность, терпимость, доброжелательность ко всем существам, а также самодисциплина делают человеческую жизнь достойной уважения. Если вы сможете стяжать эти добродетели, ваша жизнь также расцветет и наполнится ароматом».

«Зеркало блаженства»

¹ Здесь и далее по тексту «Зеркало блаженства. Жизнь и наставления Бабы Бхуман Шаха и Шри Чандры Свами Удасина» цитируется по изданию ИД «Ганга», 2015 (пер. с англ. Г. Кумлевой, под ред. М. Демченко, К. Кравчука).

Первый кусок парчи В путь

«Непривязанность, или отрешенность, сама по себе обладает особым характерным блаженством».

«Зеркало блаженства»



Много учеников у меня не было никогда, ибо я учил честно и всерьез. А настоящее обучение — это всегда долго и очень маленькими группами, чаще по одному-два человека. Что делать, иначе не получается. Но однажды, когда я задумался и начал вспоминать их (а каждого я помнил, как собственного сына), то оказалось, что за мою долгую жизнь я обучил не так уж и мало настоящих мастеров.

Лучше всего я помнил своего последнего ученика Миня. И не потому что он был последним (наоборот, в старости люди обычно лучше помнят то, что было давно), а потому что он был одновременно и самый способным, и самым «трудным», уж очень он был дик, свиреп и непокорен.

Прекрасно помню тот день, когда его дед, уважаемый лекарь, господин Тхиеу (он так и не соизволил поменять свое китайское имя на вьетнамское) привел этого мальчишку Миня ко мне. Такому человеку, как я, достаточно одного взгляда, чтобы понять, кто стоит передо мной. А тут и понимать было нечего, любая базарная торговка, перед которой каждый день проходит множество людей, поставила бы парнишке точный диагноз: несомненный бандит. Лет ему было тринадцать, и, судя по его взгляду, он ничего не боялся и никого не уважал. Ну, может, только своего деда, к которому относился с явным почтением. На меня он смотрел настороженно, но без всякого страха, хотя господин Тхиеу наверняка рассказывал ему про меня. Я сразу заметил, что он буквально «набит» энергией, отменно сложен и чрезвычайно крепок для своих лет. Мне он напомнил гибкий сыромятный ремень, который не всякий цирковой силач сумеет разорвать. И еще: этот паршивец смотрел на меня, старого Вана, в упор, не опуская глаз. А такое позволяли себе далеко не все взрослые мастера. Сказать по правде, я уж и не помнил, когда такое было в прошлый раз.

В общем, тот еще фрукт. Если бы мальчишку привел не господин Тхиеу, а кто-то другой, я бы даже и разговаривать не стал, очень неважный подарочек для учителя. Но старый лекарь был абсолютно честен со мной: он рассказал, что учит мальчишку с малых лет, что у него редкие способности к воинским искусствам и блестящая память, дающая ему возможность за один раз запоминать десяток акупунктурных точек вместе с показаниями к применению. Это позволяло бы надеяться на то, что из него в будущем может получиться не только великий воин, но и прекрасный лекарь, если бы не его тяжелый и очень агрессивный характер. Уже сейчас Минь никому не подчиняется, кроме своего отца и своего деда, господина Тхиеу.

Поэтому единственный, кому он, господин Тхиеу, может доверить дальнейшее обучение этого маленького упрянца – это уважаемый мастер Ван, то есть я.

Тут было над чем подумать. С одной стороны, ученик, каких мало, лично выдрессированный господином Тхиеу, который и сам был известным мастером, вполне способным управиться и без меня. С другой – такой характерец... Намучаешься. Но хотя тяжкий нрав был написан большими буквами у мальчишки на лице, мне очень не хотелось отправлять его прочь. Причина была весьма веской: в молодости я сам был точно таким же. Поэтому я решил поступить, как обычно поступал в тех случаях, когда не знал, что делать, – составить гороскоп. И тут неожиданно оказалось, что для мальчишки я – идеальный учитель. Полное совпадение по всем параметрам. Такое бывает очень редко. Так что судьба явно говорила «да».

Но не в мальчишке дело, хотя я частенько его вспоминаю, потому что за те пять лет, что он проучился у меня, я успел полюбить его. Просто, вспоминая, как принимал его в ученики, я тут же вспомнил и то, как в ученики отдавали меня самого. Хотя «отдавали» это не совсем верное слово. Точнее я бы сказал, «временно сдавали в аренду». Дело в том, что в нашей семье детей никогда не отдавали учиться «на сторону». Вообще-то это общепринятое правило мира воинских искусств: когда ребенок вырастает, его отдают в обучение чужому человеку (именно так и поступил господин Тхиеу со своим внуком Минем). И это верно, чужой учитель более отстраненно смотрит на ученика и у него не дрогнет рука, когда придет время браться за него всерьез. Но у нас так не получалось, потому что наша школа «Счастливый путь» всегда была полностью закрыта для «не-родственников», поэтому «чужих» мастеров этого стиля в принципе не существовало. Кстати, Минь – первый не из нашей семьи, которого я обучил по настоящему. Получается, что он первый «чужой» мастер «Счастливого пути».

Так что учил меня только мой собственный прадед, который даже деда и отца не подпускал к этому процессу, ибо по каким-то своим критериям считал, что именно я в свое время стану, как он говорил, патриархом школы и потому должен получить самое лучшее обучение. А кто еще может его мне обеспечить, кроме него самого. У нас в семье вообще были смешные отношения. Прадед с высоты своего возраста считал отца сопляком, причем не слишком скрывал это. Деда (своего сына) он тоже считал сопляком, но никому этого не показывал. Однажды случайно мне удалось услышать, что он отчитывает деда, как мальчишку. Заметив меня, прадед поднес палец к губам и произнес: «Никому! Ты этого не слышал».

Иногда мне даже казалось, что меньше всех он ругает меня. Так что по суровым азиатским меркам обучение мое можно было вполне считать «малиной». А что, учит родной прадедушка, никогда не гневается, почти не ругает, практически не бьет. Мало того, отвечает на все вопросы, какими бы дурацкими они ни были. Однажды отец, глядя на это безобразие, завелся настолько, что даже решился сказать об этом прадеду. Тот ответил ему так: «Твой сын кроме несомненного таланта к воинским искусствам наделен еще очень тяжелым характером. Тут ничего не поделать, так часто бывает. Если гладить его «по шерсти», то он выучится без всяких строгостей и даже без побоев. Если «против», то он просто все бросит и ты никогда не сумеешь его заставить заниматься. А я, – тут он погладил меня по голове, – договариваюсь. Понимаешь, из всех, кого я учил, нужно было делать воина, а этот таким уже родился. И делать из него ничего не нужно, главное, не сломать. Вы никто этого не понимаете, но по духу он уже мастер!» – и он снова погладил меня по голове.

Вообще мое положение в семье было странным. Я родился в один день с прадедом, только на шестьдесят шесть лет позже. Не знаю почему, может, именно из-за этого, а может, из-за чего-то еще, прадед всегда выделял меня среди всех членов нашей очень немалой семьи. Он никогда не обращался со мной как с ребенком и (несмотря на свой крутой и крайне авторитарный характер) никогда не приказывал мне. Только «договаривался», как всегда выражался он сам. При этом «договаривался» он исключительно со мной, а для всех остальных родственников действовало одно, самое главное правило: «как прадед сказал, так и будет».

Мало того, начиная с момента, когда я научился более или менее ясно выражать свои мысли, он сделал то, что в традиционной семье, подобной нашей, считалось просто невозможным: он начал приводить меня на семейный совет. Но и это еще не все. Прадед стал интересоваться моим мнением по всем обсуждаемым вопросам, причем высказываться я должен был первым, чтобы, как он говорил, «мнение старших не влияло на мое собственное понимание».

Повзрослев, я спросил, почему он так делал. И вот что он мне тогда ответил:

– Тебе всегда было со мной легко. Ты принимал это как должное, но никогда не задумывался об этом. А причина тут простая. Я прекрасно чувствую людей, но тебя мне даже не надо было чувствовать. Ты точно такой же, как я, поэтому я заранее знаю, что ты подумаешь еще до того, как это придет в голову тебе самому. Так что мне очень просто с тобой, а тебе – со мной. Разумеется, между родственниками подобное бывает, но не слишком часто. Такое у меня было с моим отцом, а вот со своими сыном и внуком (твоими дедом и отцом) – нет. Так вот, мой отец, мужчина исключительно сурового нрава, был мягок только со мной, потому что знал, что давить на меня так же бесполезно, как на него самого. Поэтому скажи спасибо ему, это он дал мне урок, как вести себя с людьми, обладающими нашим семейным нравом. Конечно, учить воинскому искусству нужно сурово. Но только не тебя. У тебя это в крови, так что тебя мне нужно было лишь не испортить. Если бы я перестарался, ты либо отказался бы вообще заниматься, мог даже уйти из дома, либо твоя врожденная свирепость перешла бы в жестокость, а это для воина совершенно недопустимо.

* * *

Все это я к тому, что учение мое было достаточно спокойным. Оно проходило буднично, я бы сказал, по-домашнему. Времена были «неторопливые», никто меня в шею не гнал, позанимался своих часов восемь в день – и достаточно. Не то что потом, когда мне приходилось заниматься с учениками (с тем же Минем) даже по ночам, чтобы успеть передать им Искусство.

Теперь, на склоне лет, я понимаю, что если и существует рай на земле, то это он и был. Дом, семья которая тебя любит, свежеприготовленная горячая пища... И никаких забот. Позанимался с родным прадедушкой и гуляй, делай что хочешь.

* * *

С детства зная о нашем семейном правиле «никаких чужих учителей», я и подумать не мог, что у меня может быть чужой учитель. Тем не менее однажды появился человек, которому меня отдали во временное обучение. Теперь, став старым, я с улыбкой называю это «сдачей в аренду». А дело было так.

В один прекрасный день к нам в ворота постучали и кто-то очень вежливо спросил, здесь ли живет семья Ван. Когда незнакомца впустили, выяснилось, что это был странствующий буддийский монах, очень приятный и вежливый мужчина лет сорока, бритый наголо и с тощей котомкой (как я потом узнал, в ней умещалось все его имущество) за плечами. Дом у нас был очень гостеприимный, время было обеденное, так что незнакомца (звали его Дангом) немедленно пригласили за стол. Монах оказался человеком весьма образованным, и прадед с дедом явно наслаждались беседой с ним. Всего за полдня он ухитрился очаровать всех, кроме прадеда, который, ухмыляясь, сказал мне, когда мы остались одни: «Увидишь, этот сладкий монах не просто так пришел, чаю попить с семьей Ван».

Впрочем, никто никому не торопился: сначала устройство гостя, обед, приятная беседа... А с вопросами кто, откуда и зачем пришел, можно было не спешить. Вечер закончился приятно, мне велели сводить гостя перед сном на реку и отправляться спать. Так что о делах (какие,

впрочем, могут быть дела у нищенствующего монаха) никто не говорил. Захочет, сам скажет назавтра.

Утром в деревне встают рано. Так было заведено и у нас. В шесть утра я должен был уже тренироваться. Да что там я, «муравей на травинке», на заднем дворе собиралась вся большая семья, включая моих сестер. Те, правда, занимались несколько по другой программе, но от этого эффективность их мастерства ни в коей мере не уменьшалась. Каждый знал, что ему делать, никто никому не мешал, старшие давали задание младшим, разбивали их по парам, исправляли ошибки. Прадед занимался только со мной одним. «Для всех остальных, – говорил мне он, – есть твой отец и дед. Лучше них не найти мастеров во всей стране. А я уже старый, мне тяжело, – в этом месте он обязательно подмигивал мне, – я больше уже никого не обучаю».

Когда мы с прадедом приступили к отработке парной техники, во двор вошел вчерашний монах. Видимо, он тоже не привык поздно спать, потому что, судя по всему, уже успел сходить на речку искупаться. Прямо от ворот он направился к нам. То, что он умел гладко говорить, я заметил еще вчера. Но сегодня он был отменно вежлив, еще вежливее, чем накануне. Говорил он, обращаясь к прадеду, но так, чтобы слышали другие.

Суть его речи была простой. Он проделал длинный путь, чтобы познакомиться с нашим фамильным боевым искусством. Он преисполнен всяческого уважения к нашему клану, который оказал ему столь радушный прием, и просит у главы семьи (тут он глубоко поклонился прадеду) позволения остаться у нас на какое-то время, чтобы изучать технику «Счастливого пути». Еще, если это возможно, он просит, чтобы кто-то из младших учеников дал ему урок мастерства прямо сейчас. Если глава клана сочтет это невозможным, то он, Данг, сейчас же уйдет, призывая на нас благословение Будды.

Смысл его речи был понятен даже мне. Он вызывает на поединок (разумеется, дружеский, без всякой крови) кого-то из нашей семьи. Насчет «младших учеников» – это, конечно, вежливый треп, чтобы старшим мастерам не пришлось терять лицо, отказываясь от схватки. Если ему понравится, то он просит разрешения у нас поучиться. Если ему откажут (побоятся, например), то он без всяких обид уйдет.

Ответ прадеда был неожиданным. Он сообщил, что ему некого выставить против такого сильного бойца, которым наверняка является монах Данг, в связи с чем он будет драться сам. И не потому, что рассчитывает на победу, а потому, что он очень немолод и проигрыш такого старика не опозорит школу «Счастливый путь». Что взять с человека, у которого уже взрослые правнуки. При этих словах он указал на меня.

Что же касается обучения в нашей школе, то сейчас он ничего сказать не может, так как если Данг выиграет, то семейству Ван самому придется приглашать его в учителя.

Несколько позднее я спросил прадеда, почему он решил все сделать сам, а не выставил кого-то другого. И вот что он мне ответил:

– Тут есть две стороны. Одна из них – это честь школы, в чем она заключается, я думаю, тебе объяснять не надо. Вторая – это моя собственная честь, которая в данном случае заключается в том, что до тех пор, пока я самый сильный мастер школы, я не имею права выставять на поединок с серьезным противником кого-то другого. Я точно не знал тогда истинной силы Данга. На первый взгляд он показался мне примерно равным по мастерству моему отцу. Так что твоего отца выставять было нельзя, он вполне мог и проиграть. Беспокоить твоего деда по всяким пустякам мне не хотелось, он тоже далеко уже не юноша, а вот я как раз то, что надо, – расхохотался он.

Надо отдать монаху должное, к поединку он подготовился очень быстро: просто сбросил куртку и остался в одних штанах. Вид у него был достаточно угрожающий – такого мощного телосложения ни у кого из бойцов нашей школы и близко не было, даже отец не выглядел таким крепким, как он. А что говорить о прадеде... Однако тот никак не выглядел смущенным. Наоборот, он подошел к монаху и одобрительно похлопал того по литому плечу.

– Пожалуй, ты слишком силен для меня, – сказал он. – В рукопашной схватке я тебя не одолею. Предлагаю схватку с оружием. Это хоть как-то компенсирует мой почтенный возраст и физическую слабость. Каждый выбирает свое любимое оружие.

Монах легко согласился и побежал в комнату, в которой он ночевал и где оставил свой шест. Прадед же остался на месте. Когда Данг, вернувшись, увидел, что прадед не сдвинулся с места, он удивился и спросил, чем же тот собирается драться.

– Вот мое любимое оружие, – ласково сказал прадед, поднимая обе ладони вверх.

Судя по тому, что на улыбчивом лице монаха впервые за все время появилось озадаченное выражение, такого оборота событий он не ожидал.

– Впрочем, – продолжил прадед, – другое оружие у меня тоже есть.

С этими словами он извлек из каких-то складок на одежде пару бамбуковых палочек для еды и демонстративно заткнул их за пояс. Такой выбор монаха не удивил, видимо, он знал и о таком оружии. Он согласно кивнул, глубоко поклонился и закрутил свой шест.

– Смотри, бездельник, – проговорил дед. – Вот это блестящая техника шеста. Конечно, не такая, как у нас...

Тут он был прав. В нашей школе шест совсем не такой. Длиной он больше человеческого роста и толщиной с предплечье взрослого крепкого мужчины. Поэтому он такой тяжелый, что его все время приходится держать двумя руками. У монаха же шест был покороче и заметно тоньше, поэтому и техника у него была совсем другая: легкий шест у него постоянно переходил из руки в руку, плетя затейливые кружева вокруг тела. Он не торопился нападать, давая всем возможность посмотреть на свою технику. А посмотреть действительно было на что: за шестом было почти невозможно уследить, казалось, два его конца были повсюду: сверху и снизу, слева и справа, спереди и сзади.

Прадед же стоял совершенно неподвижно и лишь одобрительно кивал, глядя на искусство Данга. Наконец тот сделал шаг вперед и на прадеда обрушился град ударов, которые, казалось, сыпались одновременно со всех сторон. И тут прадед повел себя совершенно не так, как учил меня, заставляя избегать ударов или встречать их «вскользь», чтобы не повредить себе руки. Он все делал наоборот! Не сдвигаясь с места, он под каждый удар подставлял предплечье или голень. Причем не по касательной, а перпендикулярно. Стук стоял такой, как будто кто-то колотил деревяшкой по деревяшке. Наконец монах нанес особенно сильный удар, раздался хруст и его шест разлетелся пополам, причем отлетевший кусок каким-то совершенно немыслимым образом оказался в руке у прадеда. Он очень легко ткнул им Данга, и тот упал на землю, явно полностью парализованный.

– Точечное касание, – объявил прадед. – А теперь пришел черед моего оружия. – С этими словами он достал из-за пояса палочки для еды и ткнул Данга в две нужные точки. – На этом все, теперь идем завтракать, – объявил прадед, подавая руку Дангу, к которому после такого «лечения» мгновенно вернулась способность двигаться.

* * *

После завтрака прадед отвел в сторону меня и Данга.

– Ты странствующий монах, – сказал он, то ли спрашивая, то ли утверждая.

– Да, уже лет двадцать, – ответил Данг.

– И ты по-прежнему хочешь учиться у меня?

– Еще больше, чем раньше. У вас потрясающее искусство защиты и вы владеете искусством точечного касания лучше, чем кто-либо, кого я видел. И наконец, я специально посмотрел на ваше предплечье, когда у вас за завтраком задрался рукав: никаких следов на тех местах, которыми вы отбивали удары шеста. Даже красных полос на осталось.

– Прекрасно. Тогда мое предложение таково. Передать тебе технику и методы обучения нашей школы я не могу – традиция не позволяет. Но ты человек, несомненно, достойный, и я готов сделать для тебя нечто другое, что будет намного эффективнее, чем с азов (а иначе не получится) начинать обучать тебя нашему стилю. А именно: не передавать тебе что-то новое, а наполнить твое искусство новым содержанием. Тебе это интересно?

– Очень!

– Тогда предлагаю тебе обмен. Ты берешь вот этого оболтуса, – прадед положил мне на плечо руку, – и странствуешь с ним, ну, например, месяца три. После этого ты должен вернуть мне его целым и невредимым, потому что он не только дурак, лентяй и дармоед, но и мой любимый правнук. Что поделать, – лицемерно вздохнул он, – такова воля Небес. Лучшего у меня нет, так что приходится работать с тем, что досталось.

При этих словах монах посмотрел на меня, причем взгляд его изменился, стал цепким и внимательным. До этого момента он совершенно не обращал на меня внимания. Ну дали вчера ему пацана, чтобы тот показал ему кратчайшую тропинку на речку. Теперь совсем другое дело, ему, может, этого пацана придется брать с собой в длинную, небезопасную и совершенно непредсказуемую дорогу.

– Вообще-то я всегда странствую один, – нерешительно сказал Данг. Мысль о том, что ему придется тащить с собой меня, его явно не радовала.

– Так и я вообще-то чужих не учу, – немедленно откликнулся обладавший блестящей реакцией прадед.

– Ладно, – задумчиво проговорил монах, – но не слишком ли он молод и не слишком ли строптив? Боюсь, мне с ним в пути не управиться. А дорога предстоит нелегкая, мальчик он, как я понимаю, домашний, опыта путешествий никакого, и если он не будет делать то, что я ему говорю, как я смогу за него отвечать?

– Видишь, – прадед посмотрел на меня, – у тебя на морде написано, что характер у тебя дрянный. Но скажи, ты сам хочешь отправиться в путешествие?

Сказать, что я хотел посмотреть на мир, значило ничего не сказать. Кроме того, и Данг мне нравился. Совершенно нормальный мужик, хоть и монах.

– Если обещаешь во всем слушать Данга, отправишься вместе с ним. Если нет, останешься дома. Тоже, кстати, совсем неплохо.

Я старательно закивал, всем своим видом изображая пай-мальчика.

– Вот видишь, – обратился прадед к Дангу, – он вообще-то нормальный мальчишка, если пообещает, то никогда не нарушит слова. Да и не так уж он и мал. Тринадцать недавно исполнилось. Так что, берешься?

– Берусь, – тяжело вздохнул Данг.

* * *

Суету и женские охи по поводу моего ухода в путешествие с совершенно незнакомым человеком прадед пресек быстро и велел, чтобы вместо того, чтобы кудахтать, как куры, женщины готовили меня в дорогу. Узнав, что я ухожу примерно месяца на три, мать с бабкой прикинули, сколько еды понадобится двум мужикам на девяносто дней, и приступили к сборам. Дом у нас был небедный, они вытащили из кладовок кучу разного добра и начали все это паковать. Монах смотрел на эти приготовления с изумлением. Когда он попытался что-то сказать прадеду, тот только махнул рукой: Пусть делают, что хотят, потом, может, и сами поймут.

А груда еды, которую мать с бабкой предполагали дать нам в дорогу, все росла. Одного риса был такой мешок, что весил наверняка больше, чем я. Кроме того, там была еще одежда, обувь и еще много всякого барахла.

Первым не выдержал отец:

– И как, вы думаете, они все это повезут? – ехидно спросил он у своей жены и тещи.

Те за словом в карман не полезли:

– Возьмем телегу, запряжем туда буйвола, он еще больше утащит.

Ответом им был громкий хохот.

– Буйвол совсем не дешевое удовольствие. Бедные люди покупают одного буйвола на две-три семьи. Много вы видели бродячих нищенствующих монахов, путешествующих в телеге, запряженной буйволом? Да им никто не подаст ни крохи. Мало того, ради добычи в виде телеги и буйвола лихие люди могут запросто и убить.

В общем, порешили на том, что мы с Дангом сами будем собирать себя в дорогу. Когда все ушли, оставив нас наедине с огромной кучей барахла и еды, я вдруг понял, что мать и бабка собрали все очень толково. Во всяком случае, я ничего не мог выбросить из тех вещей, которые они приготовили для меня. А про еду и говорить нечего. Короче говоря, я почти ни от чего не смог отказаться. С одной стороны, мне было жаль оставить все эти вещи, с другой – я понимал, что для того, чтобы утащить их все, потребовалась бы еще минимум пара крепких мужиков.

Но даже эти печальные мысли о неминуемом расставании с такими необходимыми в дальней дороге вещами не могли повлиять на впечатанную в меня намертво привычку контролировать окружающее пространство. В данном случае в этом «окружающем пространстве» находился монах, который смотрел на меня с явным неодобрением.

Как раз в этот момент зашел прадед. Монах отозвал его в сторону и что-то стал тихо говорить ему. Я слышал только отдельные слова «привязанность», «жадный», «плохо»... Зато ответ прадеда я услышал отчетливо. Тот говорил громко, явно для того, чтобы я его хорошо расслышал:

– Мы же договорились, что если он хочет идти странствовать в твоём обществе, то на все время путешествия и подготовки к нему он твой ученик и должен слушать тебя беспрекословно. Так что он в полном твоём распоряжении. И заметь, с его полного и добровольного согласия. Кстати, ему еще не поздно передумать. – Тут прадед бросил на меня вопросительный взгляд. Я тут же отрицательно замотал головой. – Вот видишь, он хочет идти с тобой, – продолжил дед, вновь повернувшись к монаху. – Так что я ухожу, а вы тут разбирайтесь сами. Привыкайте друг к другу.

Данг приступил сразу.

– Нам с тобой долго придется быть вдвоем, и я бы хотел знать, почему ты такой жадный. Это очень плохо, потому что жадность, стяжательство и чрезмерная привязанность к материальным вещам наряду с гневом, гордыней и ревностью считаются шестью врагами человеческого ума.

– Да не жадный я, с чего ты взял? – удивился я.

– Никак с этим барахлом даже на время расстаться не можешь, – махнул он рукой в сторону моих разложенных вещей.

– Так это же просто мои вещи, с чего ты так завелся? Это я не от жадности. Я просто хозяйственный, люблю, чтобы у меня всегда было что нужно.

– Это не просто вещи, – строго сказал Данг. – Это *твои* вещи! Иначе говоря, это привязанности, которые могут в дальнейшем стать причиной больших неприятностей. Чтобы ты не задавал больше дурацких вопросов, я тебе все сейчас объясню. Просто и коротко, так, чтобы ты понял раз и навсегда.

У каждого человека существуют привязанности: *мои* вещи, *мой* мешок с рисом (тут Данг пнул ногой стоящий на полу мешок), *мой* дом, *мое* все. Из-за этого «моего всего» человек готов делать что угодно: унижаться, скандалить, драться, даже убивать и умирать. Все ссоры и войны начинаются из-за этого самого «мое». Если бы мы с тобой взяли все эти вещи, погрузили их на телегу, запряженную хорошим буйволом, то очень вероятно были бы обокрадены, ограблены или убиты ради того, чтобы «наше мое» стало «чьим-то моим». И все это из-за чепухи, которая

временна и непостоянна: вещи сносятся, телега ломается, а буйвол сдохнет от старости или болезни.

Так что, если хочешь избавиться от многих неприятностей, тебе придется избавиться от привязанности к вещам, научиться отдавать их, легко расставаться с ними и жертвовать их. Вообще считается, что привязанности и желания – это оковы невежества и чем более человек невежествен, тем более сильные у него привязанности. Такой человек никогда не достигнет блаженства, потому что вся эта чепуха в виде разнообразных материальных объектов будет мешать ему, будет отвлекать его ум. Ладно, про ум ты пока не поймешь, поэтому я объясню на понятном тебе примере.

Вот смотри, ты хочешь отправиться со мной в путешествие. Если сказать красиво, хочешь вылететь из родного гнезда. А взлететь не можешь, ты прикреплен к своему бараклу прочной веревкой привязанности, которую тебе так трудно разорвать.

С такой точки зрения на все это я никогда не смотрел. Получается, что я несвободен и мою свободу ограничивают какие-то тряпки, а какие-то мешки с рисом мешают мне тронуться в путь. А ведь меня с малых лет обучали быть воином, который в любой момент должен быть готов расстаться с жизнью. Забавно, неужели эти вещи, с которыми я так не хотел расставаться даже на несколько месяцев, для меня дороже жизни?! Что же тогда говорить о простых крестьянах, поколениями привязанных к одной и той же убогой хижине и к одному и тому же жалкому наделу земли?

– Я готов «взлетать», – твердо сказал я Дангу. – Возьму с собой только то, что ты разрешишь, ни на рисовое зернышко больше. – И, подражая Дангу, пнул ногой стоящий на полу мешок с рисом.

– С чего это ты брыкаешься, как лошадь? – удивился тот. – Это еда, которую тебе приготовили в дорогу твои бабушка и мать. Заметь, с любовью приготовили, с заботой. А ты эту еду пинаешь ногами!

– Так ты же сам только что так делал? – удивился я.

– Мне можно, я в воспитательных целях, – засмеялся Данг, который, как я успел заметить, был чрезвычайно отходчив. – Если ты готов, то смотри на меня и учись, через пять минут ты будешь готов в дорогу.

С этими словами он бросил в заранее приготовленный мешок запасные штаны и куртку, пару белья, пару самой простой и крепкой обуви и совсем немного еды. На глаз, если питаться, как я привык дома, мне бы ее хватило на день, если ограничивать себя, то дня на два, а если очень экономить, то на три.

– Значит, с моей привязанностью покончено? – радостно спросил я.

Данг посмотрел на меня, как на идиота.

– Еще и не начиналось. Ты думаешь, что если ты решился на то, чтобы не тащить с собой весь свой гардероб, ты избавился от привязанностей? Ничего подобного, пока ты не избавишься от корня всех привязанностей, толку не будет!

– И в чем же этот корень?

– Главная проблема в том, что любой человек отождествляет себя с телом. А, ты же не понимаешь, что значит «отождествлять». Поэтому скажу проще: человек думает, что он – это тело, и привязывается к нему. Эта, так сказать, базовая привязанность создает дальнейшие привязанности, о которых я только что говорил: «мой», «моя», «мое».

– Как это человек думает, что он есть тело? Человек и есть тело! – воскликнул я.

– Когда это говорит простой невежественный крестьянин, я понимаю. Вся его жизнь в теле, которое тяжело трудится с утра до ночи. Но когда это говорит человек, которого с детства обучают боевым искусствам и медицине, тогда я перестаю понимать. Неужели ты думаешь, что это тело, которое ты можешь поломать, изувечить или вылечить, – это ты и есть?

– Почему же мне об этом ничего не говорили?

– Мал ты еще. У вас много времени на обучение, так что никто не спешит излагать эти истины тринадцатилетнему сопляку. А у меня времени нет, я учу тебя, стараясь вместить как можно больше важных вещей в те три месяца, которые мы проведем вместе. Ладно, я вижу, мне ты не веришь, сходи к прадеду, спроси у него.

Никуда идти мне не пришлось, прадед собственной персоной уже заходил в комнату. Когда я спросил его, правда ли, что я – это не тело, он аж присвистнул:

– Да, резко Данг за тебя взялся, я бы тебе эти вещи лет до двадцати точно не стал бы рассказывать. И это самое раннее. Обычно у нас про это объясняют человеку лет в сорок, до молодого это просто не доходит. Я до этого времени, скорее всего, не доживу, так что это тебе объясняли бы дед или отец. А этот, – он кивнул на Данга, – о тебе очень высокого мнения, думает, что ты умный и сумеешь это понять. Что ж, пусть попробует, может, что и получится. Только когда он начнет говорить тебе, что тело – это презренный кожаный мешок, наполненный костями, кровью, плотью и отвратительной грязью, не воспринимай буквально его речи. Ты должен понимать, что все это лишь слова, означающие, что ты должен избавиться от привязанности к телу.

На самом же деле ты должен хорошо заботиться о теле, кормить, поить и тренировать его, ни в коем случае не пренебрегая его здоровьем. Вон посмотри, какой сам Данг здоровенный. Никто не скажет, что он плохо заботится о своем теле.

– Совершенно верно, уважаемый мастер Ван, – подхватил Данг. – Я рассматриваю тело как редчайшую драгоценность, данную мне Богом, ибо без тела как смогу я идти по духовному пути? Как смогу практиковать, не имея надлежащей физической крепости? Как может тот, кто не заботится о теле, не прикладывает усилий для того, чтобы сохранить его здоровым, достичь мастерства хоть в чем-нибудь? Моя не-привязанность к телу на практике означает, что я не потакаю прихотям тела, не обжирюсь, не пьянствую, не развратничаю и не валяюсь целыми днями. Я всегда помню, что мое тело непостоянно, что позволяет мне не иметь слишком сильной привязанности к физическим удовольствиям, которые заканчиваются болезнью и страданием. В общем, я иду путем срединной гармонии: не балую тело, но и не угнетаю его. При этом я изо всех сил стараюсь избавиться от привязанности к нему и рассматриваю его только как колесницу для достижения высшей цели.

Еще я стараюсь сохранять внутреннее молчание, которое позволяет уму очиститься. Тогда он перестает думать о себе, как о теле, отказывается от эгоистичной привязанности ко всем своим фантазиям и становится спокойным.

– Так, так, так, – пробормотал прадед. – Молодец, Данг, такую большую и серьезную проповедь закатил. Ты так красиво говоришь, что вполне можешь вскоре стать настоятелем какого-нибудь храма. Похоже, ты обучишь моего оболтуса не только путешествовать. Может, даже мозги ему вправишь, мне потом с ним легче будет. Только прошу тебя, говори с ним попроще, он таких высокопарных слов не понимает. Так с ним разговаривать – только время тратить, я и то не все понял, – ухмыльнулся прадед. – Ну ладно, – прервал он сам себя, – я ухожу, а вы собирайтесь, вам же завтра с утра в путь.

«Туризм! Зачем быть туристом? На протяжении множества жизней вы были постоянным туристом, но все еще не удовлетворены».

«Зеркало блаженства»

Второй кусок парчи

Как правильно просыпаться, или Какая такая любовь?

«Любовь – это Бог, а Бог – это любовь. Любовь полна самой Собой, и она не испытывает никакой необходимости желать или ожидать чего-либо».
«Зеркало блаженства»



Вышли мы ранним утром, еще до того, как все встали. Видимо, прадед приказал, чтобы нас никто не провожал, – только дед, отец и он сам. Все было обставлено очень сухо, я бы сказал, по-деловому: встал, умылся, поел, накинул на плечи мешок – и в путь. Никто со мной особенно не прощался. Ну вышел человек по делам, месяца через три вернется...

Шаг монаха был таким плавным, что со стороны казалось, будто он шел, совершенно не спеша. Но угнаться за ним оказалось совсем не так просто. Часа через два я успел прилично устать, а Данг все шел и шел, тихо напевая себе под нос какую-то мантру и перебирая четки.

А у меня в голове все время крутилась одна и та же мысль: от такой ходьбы я скоро так захочу есть, что всех наших запасов мне хватит на один хороший обед. Ну может, что-нибудь еще на ужин останется. Хотя чем больше мы шли, тем больше мне казалось, что на ужин точно ничего не останется.

За все время пути Данг так ни разу и не открыл рот. Вся его учтивость и разговорчивость, видимо, предназначались только для тех случаев, когда не говорить было нельзя. В пути же он просто шел: ни лишнего слова, ни лишнего взгляда, ни лишнего движения. Видя, что умной (да хоть какой-то) беседы от него не дождешься, я решил сам осведомиться по поводу обеда.

Данг воззрился на меня с явным удивлением.

– Ты хорошо питался всю свою жизнь? – спросил он.

– Сколько себя помню, да.

– Тогда почему ты думаешь, что Господь, который так хорошо питал тебя всю твою предыдущую жизнь, не сумеет сделать это так же хорошо и сегодня?

– Ну сегодня обстоятельства другие. Еды мы взяли мало, нам может и не хватить.

– А ты не беспокойся, – успокаивающе похлопал меня по плечу Данг. – Обстоятельства, может, и другие, а Господь точно тот же самый, так что без обеда точно не останешься.

– Конечно, – сказал я. – Обед-то у нас есть, а что мы будем есть на ужин?

– Вот тебе важный урок. Никогда не беспокойся о будущем. Все равно оно будет не таким, как тебе бы хотелось, и не таким, как ты ожидаешь.

После обеда продуктов у нас не осталось, потому что Данг запасов не экономил.

– Во-первых, – приговаривал он, – совершенномудрый не делает запасов, во-вторых, мы так наелись, что вполне можем обойтись и без ужина (даже полезно будет), а в-третьих, быть такого не может, чтобы праведному монаху ничего не перепало на пропитание.

Ближе к вечеру вдаль показалась деревня. Данг, ведомый каким-то чутьем, не колеблясь, направился к одной из хижин и вскоре вышел из нее вместе с немолодым мужчиной, который, как я вскоре узнал, был деревенским старостой. Они поговорили пару минут, после чего ста-

роста ушел, а Данг вернулся ко мне и мы уселись под дерево отдыхать. Данг мне ничего не объяснял, а я настолько устал, что даже спрашивать не хотелось.

Примерно через полчаса нас позвали в дом старосты. Там уже был накрыт стол, на котором был сервирован полный обед: суп из папайи, курица, рис, нарезанная стружкой сушеная свинина с какими-то побегами. Причем курица была такая жесткая, что я едва сумел прожевать ее. Жесткая курица – это был несомненный признак уважения, потому что во Вьетнаме считается, что чем больше курица прожила, тем больше она бегала и тем больше в ее мясе накопилось Ци. Судя по жесткости этой курицы, у нее была настоящая «железная рубашка». Такая вот бронированная курица...

В общем, монах оказался прав: Бог, который так хорошо кормил меня всю жизнь, обеспокоился этим и сегодня. Мало того, спать нас тоже уложили с невиданным почетом – в отдельной хижине, похоже, специально предназначенной для гостей. Стены хижины были сделаны из стволов бамбука, между которыми были огромные щели, так что гостей продувало насквозь. Была она совершенно пустая, только в середине стоял настил из таких же бамбучин и с такими же щелями между ними. Так что дуло не только со всех сторон, но еще и снизу. Ночи стояли прохладные, так что нам дали одеяло. Правда, одеяло было только одно и было непонятно, стелить ли его снизу или накрываться сверху. Но, как сказал Данг, это все равно намного лучше, чем ночевать «в чистом поле». На мой вопрос, откуда такая роскошь, он пробурчал себе под нос что-то непонятное, вроде «завтра утром узнаешь, а пока надо жить настоящим моментом», повернулся набок и мгновенно уснул. Через пару минут и я провалился в сон.

Наутро я проснулся со странным чувством: впервые за то время, что я себя помнил, мне не нужно было вскакивать с постели и бежать тренироваться с прадедом, который начал учить меня в тот день, когда мне исполнилось пять лет. Но было еще одно, еще более странное чувство: к моему большому удивлению, мне *хотелось* идти заниматься. Оказалось, что привыкшее к обязательной утренней порции движения тело настоятельно требовало обратить на него внимание. Компромисс между естественной ленью и потребностью тела, внезапно лишённого ежедневной тренировки, нашёлся легко: раз уж я проснулся, то немного позанимаюсь, а потом снова завалюсь спать, пока не разбудят. Вон монах еще дрыхнет, а больше мне здесь никто не указ.

Но оказалось, что Данг не спал. Стоило мне спустить ноги с лежанки, как его лапища сомкнулась вокруг моего запястья. Вырываться я даже не пытался. Из рук такого буйвола мне никак не освободиться. Если прадед говорит, что Данг по мастерству примерно как отец, то куда мне до него. Ну еще лет десять, по крайней мере. Тем более он мне сейчас вроде наставника. Может, чего умного скажет.

– Не торопись, – сказал монах, не открывая глаз. – Сейчас буду тебя учить вставать так, как это делают мудрые старики.

– Но я же не старик и тем более не мудрый, – удивился я. – Как меня только не обзывали, но мудрым не называл никто. Так что отпусти меня, я лучше пойду позанимаюсь чем-нибудь более полезным, например боевым искусством.

– Позанимаешься, позанимаешься. – Данг не торопился отпускать мою руку. – Сначала расскажи мне, как встают с постели твои прадед и дед.

– Да обыкновенно, – удивился я. – Массаж себе делают, обычный и точечный, растирают лицо и уши, прохлопывают себя по ходу каналов, поворачиваются, наклоняются, растягиваются.

– Где они все это делают? – С этими словами Данг открыл глаза и, видимо, решив, что я уже никуда не сбегу, отпустил наконец мою руку.

– Как это где? Сидя на кровати, конечно. И долго делают. Прадед, например, минут сорок, не меньше. Он встает примерно на час раньше меня, выполняет всю эту свою чепуху и только потом будит меня для утренней тренировки.

– Поздравляю, теперь будешь все делать, как он.

– Да я от скуки помру все это делать! Или раньше времени постарею, – возмутился я. – И что же мне теперь, на час раньше вставать, делать эту тягомотину, а потом еще и воинскую практику, как обычно?

– Наоборот, то время, что ты пробудешь со мной, ни о какой воинской практике даже и не думай.

– Это как? С пяти лет не было дня, чтобы я не занимался. Если я чем-то заболел, то прадед всегда «подхватывал» начало болезни и начинал меня лечить до того, как она успевала разыграться, и я все равно занимался. Меньше, правда, но все равно вполне достаточно. По этому поводу он всегда повторял мне одну и ту же старинную воинскую пословицу: «Один день прозанимался – приобрел один день; один день пропустил занятия – потерял десять дней!»

– Не беспокойся, ты будешь «не заниматься» с большой пользой. С одной стороны, будешь избавляться от своей привязанности к воинским занятиям, с другой – восстановишь внутреннее равновесие, а то уж больно ты сам весь какой-то «воинский». Слишком много в тебе готовности к войне и слишком мало готовности к миру и любви к людям. Кстати, и обед сможешь отработать. И это будет честно и справедливо по отношению к тем беднякам, которые так хорошо встретили нас.

– Отработать – это хорошо, это мне нравится, но как я это сделаю?

– Ничего не спрашивай, просто делай, как я говорю, и очень скоро ты все поймешь, – отрезал Данг.

Затем он уселся на кровати и торжественно начал:

– Комплекс «Восемь кусков парчи» – это древнее и очень эффективное средство для поддержания здоровья и продления жизни. – Затем он сменил тон и заговорил уже без всякого пафоса: – Этот комплекс совсем простой и не требует много времени для выполнения, потому что он намного короче того, что делают твои прадед и дед. Он состоит всего из восьми очень незатейливых упражнений, поэтому ты должен освоить его с одного показа. Чтобы ты быстрее запоминал, что нужно делать, я буду перед каждым упражнением читать тебе песенное наставление, которое для того и предназначено, чтобы человеку было легче изучать эту методику. Ты садишься напротив меня, повторяешь то, что я делаю, и запоминаешь коротенькое песенное наставление. Вот и вся твоя работа. Все вопросы вроде «как», «зачем», «почему» пока оставляешь при себе. Поехали.

Первый кусок называется «Сидеть неподвижно, закрыв глаза». Песенное наставление к нему следующее: «Сесть, закрыть глаза, сосредоточиться на духе. Ум спокоен, руки держат крепко». Запомнишь его и больше тебе ничего не надо.

С этими словами Данг положил левую ладонь на нижнюю часть живота, а правую ладонь – на левую. Тут никаких новостей для меня не было. Преподавая Ци-Гун, прадед уже говорил мне, что такое положение рук замыкает пальцы и соответствующие им энергетические каналы в положение, оптимальное для накопления энергии и сохранения концентрации ума. Потому его и называют «руки держат крепко». А глаза закрывают для того, чтобы перестать видеть окружающее и отвлекаться.

Думаю, что монах не сомневался в том, что я все это знаю, и потому без лишних слов сразу перешел к показу второй формы, которая называлась «Держать гору Кунь-Лунь». Песенное наставление к ней звучало так: «Постучать зубами, обеими руками держать Кунь-Лунь». На этот раз Данг соизволил сделать комментарий:

– Кунь-Лунь – это самая высокая гора Китая. В данном случае этим термином обозначается голова как наивысшая (в прямом и переносном смыслах) часть тела.

Упражнение это состояло из двух частей. Вначале надо было постучать зубами, причем выделившуюся при этом слюну, которую монах называл «золотой жидкостью», требовалось не

сплюнуть, а проглотить. Затем нужно было сцепить пальцы, поместить кисти рук на затылок и откидывать голову назад, сопротивляясь этому движению руками.

– Сам понимаешь, шея является одним из самых важных мест в теле, – сказал Данг. – Недаром даосы называют ее «столбом, поддерживающим небеса» и «двенадцатиэтажной пагодой». Оно и правильно, ведь через шею идет поток крови и Ци к голове. Если у человека больная шея, с закупоренными энергетическими каналами, то у него не только будет болеть голова, он и думать будет плохо.

Когда монах стал показывать третью форму под названием «Стучать по нефритовой подушке», я подумал, что все эти «куски» какие-то микроскопические. Сутью всех техник, которые я изучал до этого, являлась целостность движения. Иначе говоря, в любое движение вовлекалось все тело. В том же, что показывал Данг, любая часть тела вплоть до пальцев вполне могла двигаться совершенно отдельно.

Песенное наставление к этой форме было очень краткое: «Бей в небесный барабан слева и справа». Суть же метода заключалась в том, что нужно было положить ладони на уши так, чтобы центры ладоней плотно закрывали слуховой проход, а средние пальцы оказались у основания черепа. Затем нужно было наложить указательные пальцы на средние и, «сбрасывая» их со средних пальцев, постукивать ими (как барабанными палочками) по основанию черепа (барабану).

Четвертая форма оказалась и того проще. Данг несколько раз повернул голову влево-вправо, после этого подвигал языком во рту (как он говорил, для того, чтобы вызвать слюноотделение), затем он забавно надул щеки и прополоскал рот накопившейся слюной. И наконец он со смешным звуком проглотил слюну в три глотка. К этому простому упражнению, носившему, тем не менее, звучное название «Встряхивание небесного столба», «прилагалось» совершенно непонятное песенное наставление: «Поворачивая голову, встряхни небесный столб. Красный дракон перемешивает слюну, и она заполняет весь рот. Раздели ее на три глотка и с помощью ума направь в колесо живота». Услышав эту чепуху, я сказал Дангу, что по моему мнению, такое, с позволения сказать, «наставление» было предназначено не столько для того, чтобы помочь человеку запомнить процесс выполнения, сколько для того, чтобы заморочить ему голову.

Данг рассмеялся:

– Тут все просто. «Небесный столб» – это шея, «красный дракон» – это язык, «колесо живота» – это середина низа живота или хорошо тебе известный нижний Дань-Тянь.

Пятая форма под названием «Массаж ворот семени» оказалась столь же простой. Задержав дыхание, Данг интенсивно растер ладони (как он сказал, «до появления в них ощущения энергии в виде тепла») и стал круговыми движениями массировать поясницу. Прodelав это, он продекламировал песенное наставление к этому куску: «Задержи дыхание и разотри ладони, после чего разотри ворота семени. Представляй, что огонь прогревает колесо живота».

На этот раз мне все было понятно, потому что названия акупунктурных точек я знал, наверное, лучше, чем свое собственное имя. Поэтому я сразу понял, что «ворота семени» – это точки Цзин-Мэнь меридиана мочевого пузыря, расположенные на пояснице, как раз там, где Данг растирал себе спину. Так что пятую форму для собственного удобства я назвал «Круговой массаж поясницы».

Шестая форма носила имя «Вращение ворот». Для того чтобы выполнить ее, Данг сменил позу: если раньше он сидел, скрестив ноги, то теперь он (по-прежнему на вставая с кровати) выпрямил их. Затем он стал выполнять движения руками, как будто греб веслами. При этом верхняя часть туловища его слегка наклонялась вперед и назад, что делало эту форму еще более похожей на греблю. И хотя песенное наставление, которое продекламировал монах, гласило «руки вращают ворот, ноги удобно вытянуты», я назвал эту форму иначе: «Грести вперед и назад».

Седьмую форму Данг выполнял тоже с выпрямленными ногами. Называлась она «поднять, нажать, ухватиться за стопы», и песенное наставление к ней было такое: «Переплести пальцы обеих рук, поднять ими пустоту, надавить на макушку, схватиться за стопы».

Монах сцепил пальцы рук и поднял их ладонями вверх, как бы поднимая что-то над головой и удерживая его там. Пару секунд он держал руки в этом положении, а затем развернул ладони вниз и опустил их на макушку. При этом он сказал, что нужно одновременно слегка надавливать ладонями вниз, а голову вытягивать вверх, как бы толкая ею ладони.

После этого он расцепил пальцы, наклонился вперед, ухватился руками за пальцы ног (колени его были при этом выпрямлены) и потянул их на себя. Разумеется (мне это начинало уже нравиться), я придумал собственное песенное наставление: «Толкать небо, надавливать на голову, тянуть за пальцы ног». Или сокращенно: «Толкать – надавливать – тянуть».

Восьмой кусок назывался «Медленное перемещение неба» или «Ведение Ци по Малому небесному кругу» и даже внешне выглядел как завершение комплекса. Если вообще можно было назвать комплексом эти восемь простеньких упражнений. Данг сел неподвижно, скрестив ноги и положив руки на живот, так же, как он делал в самом начале. Подождав, когда во рту накопится достаточно слюны, он прополоскал ею рот и с шумом проглотил в три глотка. Внутреннее содержание этой техники он объяснил следующим образом:

– Когда глотаешь, ты должен перевести внимание на нижний Дань-Тянь, стараясь ощутить движение Ци в теле. Кроме того, ты должен представить, будто огонь распространяется по всему твоему телу. Такая мысль направит Ци в кожу и создаст поле защитной Ци вокруг твоего тела.

Песенное наставление к этой форме такое: «Дождаться прихода слюны, прополоскать ею рот и с шумом сглотнуть ее. Представлять, что огонь прогревает все тело. Если это усердно выполнять после полуночи и до полудня, то энергия во всех каналахотрегулируется сама собой и тысячи болезней рассыплются в прах».

И еще: чтобы урегулировать дыхание и ум после окончания всех Восьми кусков, ты должен неподвижно и со спокойным умом посидеть в этом положении 3–5 минут.

* * *

– Ты хорошо запомнил все формы? – спросил меня Данг, завершив показ.

– Еще бы! – воскликнул я. – В нашей школе «Счастливого пути» есть несколько десятков базовых комплексов формальных упражнений, каждый из которых содержит больше сотни техник, причем каждая техника состоит из нескольких очень непростых движений, в которых участвует все тело. Так что запомнить за один раз всего восемь таких простых упражнений для меня не проблема.

– Очень хорошо, – похвалил меня Данг. – Молодец, я не сомневался, что для тебя это не составит труда. А теперь... – Он сделал многозначительную паузу.

– Пойдем завтракать? – попытался я повернуть его мысль в нужное русло.

– А теперь ты, не спеша, повторишь все это еще три раза, – очаровательно улыбнулся монах. – Завтракать же пойдем, когда нас позовут любезные хозяева.

Спорить я не стал: раз завтрак еще не готов, то почему бы мне не повторить эту чепуху еще разок (или три, какая разница). Данг, который по совершенно непонятной мне причине явно придавал всему этому большое значение, внимательно следил за каждым моим движением. Судя по тому, что никаких замечаний он мне не сделал, качеством исполнения он остался доволен.

После завтрака мы отправились гулять по окрестностям, которые были просто прекрасны. Честно говоря, я на всю эту красоту не обратил бы никакого внимания (ну Вьетнам себе и Вьетнам, ну деревня себе и деревня...), если бы не Данг, который буквально через каж-

дый шаг останавливался и начинал восхищаться окружающими нас пейзажами. Яркая зелень, горы на горизонте, ровные террасы, ступенями спускающиеся от деревни вниз.

Гуляли мы до обеда. Мне такая жизнь начинала нравиться. Не надо ничего делать, не надо тренироваться, не надо слушать старших. Данга, который на меня совершенно не давил, я воспринимал, скорее, как своего друга (странно, я его знаю всего несколько дней, а он уже не кажется мне чужим), а не как учителя. В общем, впервые за много лет ежедневных занятий с прадедом у меня был выходной.

Отдыхать так отдыхать! – решил я и потому после обеда (даже не спрашивая разрешения у Данга) отправился спать в отведенную нам хижину. Впрочем, Данг не возражал.

Однако не успел я заснуть, как монах уже тряс меня за плечо.

– Поднимайся, – весело улыбался он, – пришло время отрабатывать обед.

Эта новость меня обрадовала, потому что с детства меня учили, что за все (и за хорошее, и за плохое) нужно отплатить, так что отработать обед я был готов, причем с большим удовольствием.

– Что надо делать? – поинтересовался я у Данга.

– Пойдем, сейчас узнаешь, – улыбался тот все шире и шире.

Когда мы вышли из хижины, я увидел, что под огромным старым баньяном, где с утра работал местный брадобрей, сидят несколько деревенских стариков во главе со старостой. К ним-то и направился монах. Подойдя ближе, он вежливо поклонился и торжественно представил меня:

– Молодой господин из семьи Ван, который, как я и обещал, будет обучать вас знаменитой гимнастике Восьми кусков парчи, предназначенной для людей пожилого возраста, желающих поддержать и восстановить свое здоровье.

Не знаю, заметили старики это или нет, но, произнося эту торжественную речь, Данг явно потешался надо мной.

Я мысленно ахнул: «Так вот для чего он меня научил этим стариковским Восьми кускам парчи!» Но делать было нечего и я приступил к объяснениям и показу. Однако оказалось, что все не так просто. Старики понимали плохо, запоминали еще хуже, а их негибкие, закорюченные тела, изношенные пожизненной тяжелой работой, повиновались им с большим трудом. Хорошо было только одно: они честно старались. Но все равно получалось плохо. Поэтому мои надежды изложить им все за час испарились сразу же после начала занятий.

Мало того, нашелся один человек (разумеется, это был староста, не слишком старый человек с острым умом), который начал задавать вопросы.

– Скажите, молодой мастер, а какова польза от всего этого?

Я покосился на Данга. Тот скорчил смешную морду и развел руками. Если я его правильно понял, то это означало примерно следующее: «Ничего не знаю, ты у нас молодой мастер, ты и разбирайся». Каков наглец! Выставил меня на посмеище этим старикам, ничему толком не научив. Даже не предупредил, скотина такая. Через час вся деревня будет смеяться над «молодым мастером Ваном».

И тут я вспомнил, как прадед неоднократно наставлял меня: «Предсказать свою судьбу не может никто, и с любым человеком в любой момент может случиться что угодно. Это обычное дело, поэтому тебе не нужно никогда по этому поводу беспокоиться. Помни только одно: ты воин и что бы с тобой ни случилось, ты должен встретить это с холодным и трезвым умом и действовать так, как найдешь нужным, принимая на себе ответственность за свои решения и действия».

Поэтому прежде чем расписаться в своей беспомощности и некомпетентности, я решил подумать, для чего сделал глубокомысленный вид и насупился. Сразу же мне стало смешно: до меня дошло, что именно такое выражение лица бывало у прадеда перед тем, как он собирался высказать свое мнение по какому-то важному вопросу.

«Хорошенькое дело! – подумал я. – Вот я уже начинаю его копировать. Видимо, самостоятельность, которую монах, пусть и не спросив меня, дал мне, идет мне на пользу. Может, я скоро стану таким же умным и значительным, как прадед? Конечно стану, лет через шестьдесят – семьдесят, если, разумеется, доживу».

И странное дело. Когда я вспомнил про прадеда, мне сразу полегчало и я понял, что все, что нужно, я про эту гимнастику уже знаю. И я торжественно начал:

– Как вы могли заметить, все движения выполняются мягко и плавно. Это позволяет нам расслабить тело, успокоить сознание и гармонизировать движение энергии. Кроме того, такие занятия способствуют формированию правильной телесной структуры, улучшению снабжения внутренних органов энергией, питательными веществами и кровью. Если будете делать все правильно, то через некоторое время ваши тела станут заметно здоровее.

Вовремя вспомнив, кому я все это рассказываю, я немедленно добавил:

– И поможет вам жить еще долго, сохраняя крепость тела и ума.

Тут, видимо, я попал в точку, потому что совершенно бесстрастные лица стариков оживились и они согласно закивали. Я покосился на монаха. Тот тоже одобрительно кивал, видимо, я все говорил правильно.

Но не успел я обрадоваться, как дотошный, привыкший все считать староста задал следующий вопрос:

– А сколько раз нужно выполнять каждое упражнение?

На этот раз я уже не колебался. Не важно, что монах мне об этом не говорил. Кстати, думаю, намеренно не говорил. Важно, что я знаю ответ, который точно будет правильным.

– На начальном этапе, уважаемые, вам нужно заниматься так, чтобы не утомлять свое тело. Потом можно постепенно увеличивать количество повторений, не торопясь и не напрягаясь. Все должно происходить естественно, подобно тому, как растет посаженный вами рис.

Старики снова согласно закивали. А до меня стало доходить: не важно, сколько мне лет, не важно, что каждый из этих людей годится мне в дедушки. Важно то, что я делаю и говорю, как держусь, как себя веду. В общем, молодость не помеха. И тут в голове зазвучал голос прадеда: «Конечно, если у тебя были хорошие учителя».

В общем, занятие прошло успешно, и хотя деревенские старики мало чего запомнили (уж очень медленно они соображали), тем не менее они явно остались довольны и дружно обещали прийти завтра в это же время.

Когда они ушли, я радостно бросился к Дангу:

– Смотри, монах, кажется, они чему-то научились!

– Само собой, научились. Отчего же им не научиться? Но есть и другая сторона монеты: ты за эти пару часов тоже многому научился, причем очень важному. Ты научился вылезать из своей привычной шкуры и делать то, чего ты никогда не делал.

– Какая такая у меня привычная шкура? – удивился я.

– У каждого человека есть привычная шкура. У тебя, например, «прадедушкин ученик», которому до сегодняшнего дня всегда говорили, что ему делать. А теперь ты вдруг не ученик, а учитель, причем твои ученики в четыре-пять раз старше тебя. И ты отвечаешь на вопросы, ответов на которые ты и сам не знаешь. И, заметь, правильно отвечаешь! Получается, с сегодняшнего дня у тебя есть новая шкура – шкура наставника. Не школьного учителя, который учит сопляков, а уважаемого наставника умудренных опытом старцев.

– Да какие они умудренные опытом? – удивился я. – Они же соображают настолько медленно, что порой мне казалось, будто я слышу, как у них скрипят мозги. Такое впечатление, что ум у них такой же негибкий и покореженный, как тело. Только тело покорежено непосильной работой, а ум тем, что он у них, наоборот, никогда не работал.

– Так, так, – пробормотал себе под нос Данг. – Пожалуй, юному «мастеру» понадобится еще один урок. Думаю, прямо завтра с утра мы все и организуем.

Уроки Данга мне нравились, так что я решил не расспрашивать, а дождаться завтрашнего утра, пусть будет сюрприз. Но насчет количества повторений каждого упражнения не спросить я не мог. Это-то точно не должно было быть для меня сюрпризом.

Данг ответил сразу:

– Первое упражнение ты просто сидишь, так что никаких повторений. Второе – 36 раз стучишь зубами и отклоняешь голову назад – 9 раз. Третье – стучишь пальцами 24 раза. Четвертое – поворачиваешь голову 24 раза, полощешь рот 36 раз, образовавшуюся слюну глотаешь в три приема. Пятое – массируешь поясницу 24 раза. Шестое – вращаешь ворот 9 раз в одну сторону и столько же в другую. Седьмое – поднимаешь, нажимаешь, хватаешь тоже 9 раз. Восьмое упражнение ты, как и в первом, просто сидишь безо всяких повторений. Улавливаешь закономерность?

– Вполне, – уверенно сказал я. – Там, где движения мелкие, вроде постукивания зубами или пальцами, там их много – 24 или 36. Там, где движения покрупнее, их меньше – 9.

– Действительно, вполне, – улыбнулся Данг. – А если дотошный староста спросит, почему 9, 24, 36, а не, например, 10, 25 и 40? Что ты ему скажешь?

– А я сострою серьезную морду и важно скажу, что так предписывает древняя традиция, что таковы наставления наших предков. А знание о том, почему именно так, давно утрачено.

– Молодец, – восхитился Данг. – Наглеешь не по дням и не по часам, а по минутам. Так ты скоро и сам поверишь, что ты мастер. Ладно, пока я добрый, пожалуй, объясню.

В китайской нумерологии числа делятся на иньские (четные, числа Земли) и янские (нечетные, числа Неба). Базовым Ян-числом считается двойка, а базовым Инь-числом – тройка. Теперь, надеюсь, тебе понятно, что 9 – это 3×3 , 24 – это $3 \times 2 \times 2 \times 2$, а 36 – это $3 \times 3 \times 2 \times 2$. Да и самих кусков парчи восемь, а восьмерка – это $2 \times 2 \times 2$. Вот тебе и вся хитрость. Кстати, о хитрости. Есть знаменитая Книга Перемен. Твой прадед большой специалист по гаданию с ее использованием. Наверняка он тебе о ней говорил.

– Еще бы он мне не говорил! Он с таким почтением относится к ней... Он убежден, что Книге Перемен известны все тайны прошлого, будущего и настоящего. Еще он рассказывал, что этой книгой пользовались великие философы, ученые, правители и полководцы, что сам великий Конфуций по поводу этой книги говорил, что если бы он мог продлить свою жизнь, то пятьдесят лет отдал бы изучению Книги Перемен и тогда смог бы не совершать ошибок. Но меня самого прадед ничему пока не учит, говорит, что эта книга не для сопляков, а для зрелых мужчин, которые готовы принять ее мудрость. Правда, будучи в хорошем настроении, он несколько раз гадал для того, чтобы развлечь меня и развлечься самому. Делалось это следующим образом. Вопрос, на который я хотел получить ответ, вслух я не произносил. Я лишь мысленно формулировал его (при этом прадед настаивал, чтобы формулировка была как можно четче), потом бросал три монеты, которые мне перед этим выдавал дед. Если большее число монет (2 или 3) ложились орлом вверх, то я чертил сплошную линию, если же большее число монет (2 или 3) ложились вверх решкой, то линию нужно было рисовать прерывистой. Сделав так шесть раз, я получал знак (прадед называл его гексаграммой) из шести линий, расположенных одна над другой. После этого моя часть работы заканчивалась и прадед приступал к толкованию. Было это всего несколько раз и ни разу его предсказание не оказалось ошибочным. Но любил я этот процесс совсем не из-за точности предсказаний, а потому, что «гадальные» монеты прадед оставлял мне и я мог купить себе на них что угодно. Отец ворчал, что это баловство, но прадед обращал на это мало внимания.

– Ну вот тебе первый урок из Книги Перемен, – улыбнулся монах. – В ней шестерка считается иньским числом, которому соответствует темное женское начало, порождающее хитрость. Число 36, как ты сам понимаешь, представляет собой 6 в квадрате, поэтому считается, что оно олицетворяет «несметное множество хитростей». Так что можешь сказать своим старикам, что Восемь кусков, где часто используется число 36, – это очень хитроумная система.

Еще можешь сказать им так: «Шестью шесть тридцать шесть. В расчете – искусность, в искусности – расчет. Инь и Ян сменяют друг друга, на этом и основана военная хитрость». Эти старики сами очень хитрые, им это понравится.

На этом Данг завершил свои импровизированные наставления и отправился, как он выразился, «договариваться об утреннем уроке» для меня. Когда он вернулся, я не знаю, потому что уже спал.

Назавтра Данг разбудил меня еще до восхода и повел к окраине деревни, куда-то в сторону рисовых полей. Там нас уже ждал буйвол, запряженный в плуг. Не говоря ни слова, Данг указал мне на него. Он был прав, говорить было нечего. Вчера я, забыв, что Данг ничего не пропускает и заставляет меня из всего извлекать урок, неосмотрительно ляпнул про непосильную и тупую крестьянскую работу, которая корежит тело и оглупляет ум. Что же, спасибо Дангу, один урок я уже извлек: мало болтать, а лучше не болтать вообще. Вот смолчал бы вчера и спокойненько бы сейчас дрых. А так меня не просто разбудили затемно, сейчас еще и пахать придется. Конечно, я не однажды видел этот процесс и потому прекрасно представлял, как это делается. Но я никогда не пахал сам! Мне с раннего детства объясняли так: «Наша семья живет в деревне, потому что так случилось. Но мы не деревенщина, мы не пашем на полях и не ухаживаем за скотом. Наш род – это лекари и воины, мастера Ци-Гун, астрологи и предсказатели».

Но долго думать было некогда, надо было приступать к работе. Как только я взялся за рукоятки плуга, буйвол испугался (совершенно непонятно, как такой большой зверь может быть таким нервным), дернулся и потащил меня, как будто я вообще ничего не весил. Только с большим усилием мне удалось его остановить. Интересно мне было только одно: настолько пугливый зверь мне попался случайно или Данг специально попросил подобрать мне самого «неудобного». Приспособиться к этой огромной твари, найти с ней «общий язык» мне удалось лишь с большим трудом, но в конце концов дело пошло. Через некоторое время мне даже начало нравиться идти за плугом. Буйвол, видимо, привык ко мне, он больше не дергался и шел совершенно спокойно, утреннее солнце приятно пригревало, а прохладная свежевскопанная земля не менее приятно холодила босые ноги. Однако вскоре стало не так весело. Солнце пекло всюду, все тело ныло от непривычного напряжения, а на руках появились волдыри. Как я понимал, работенка эта должна была закончиться не позднее полудня, потому что после обеда у меня был назначен казавшийся мне теперь избавлением урок со стариками. Но оказалось, что монах решил иначе. Где-то в полдень он подошел ко мне и, ласково улыбаясь, сказал, что стариков он оповестил о том, что урок для их удобства переносится на более прохладное время, на вечер, так что я могу работать, ни о чем не беспокоясь, а обед мне скоро принесут прямо сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.